

тра. Ч. 1 Екатеринбург, 1998. С. 54-57; Он же. Еврейская диаспора горнозаводского Урала XIX – начала XX вв. (проблема государственной регламентации правового и социально-экономического статуса) // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 1996. № 3. С. 145-152.

19. Дубова Н. А., Комарова О. Д., Ямсков А. Н. Русские, башкиры и татары южных районов Пермской области (демографическая и социально-экономическая характеристика) // Этнические проблемы регионов России. М., 1998. С. 227-293.

20. Безбородова Е. В. Численность и национальный состав населения Свердловска (по материалам Всесоюзной переписи населения СССР 1939 г.) // Екатеринбург – вчера, сегодня, завтра. Ч. 1. Екатеринбург, 1998. С. 135-136.

21. Мотревич В. П., Прошенок Т. В. Еврейское население Урала по данным Всесоюзной переписи населения СССР 1939 г. // Урал индустриальный: 3-я региональная науч. конф. Екатеринбург, 1999. С. 62-65; Прошенок Т. В. Еврейское население Урала в XIX-XX вв. (демографическое и этнокультурное развитие). Дисс. ... к. и. н. Екатеринбург, 2000.

22. Халиков И. А. Территориальные и этносоциальные особенности традиционного хозяйства татар Урала и Приуралья // Приуральские татары. Казань, 1990. С. 21-28.

23. Тасоева М. К. Русские на Урале // Программа Отделения философии и права АН СССР «Социальные процессы в условиях перестройки». М., 1990. Вып. 5. С. 78-83.

24. Кузьмин А. И., Оруджиева А. Г. Этнодемографическая структура населения Урала: проблемы эволюции и перспектив развития // Каменный пояс на пороге III тысячелетия. Екатеринбург, 1997. С. 135-138; Кузьмин А. И., Оруджиева А. Г., Алферова Е. Ю. Этнодемографическая структура населения Урала в XX веке // Урал в прошлом и настоящем: Материалы науч. конф. Екатеринбург, 1998. Ч. 1. С. 165-172; Кузьмин А. И., Оруджиева А. Г. Демографические факторы межнациональных отношений в Уральском регионе // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Ч. 1. М., 1993. С. 184-208; Корнилов Г. Е. Русские в этнодемографической структуре Урала (XX век) // Русские старожилы: Материалы III Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск, Омск, 2000. С. 247-248; Лепоринская Т. Н. Некоторые проблемы межнационального общения в истории народов Урала // «Экватор» 90-х. Пермь, 1995. С. 75-78, и др.

25. Этнодемографическое развитие Урала в XIX-XX вв. (Историко-социологический подход). Екатеринбург, 2000.

26. Сурина М.В. Этнодемографическое развитие Уральского региона во второй половине XX века: Дисс. ... к.и.н. Екатеринбург, 2004; Глухарев Д.С. Этнодемографическое развитие Урала в 1960-1980-х гг.: Дисс. ... к.и.н. Челябинск, 2006.

Сухоносова С.В.
(Екатеринбург)

Проблема сохранения Екатеринбургской городской лесной дачи в конце XIX — начале XX вв.

В жизни большинства российских городов второй половины XIX — начала XX века лесные дачи играли довольно значительную роль, составляли

важную часть системы городского хозяйства. Екатеринбург в этом отношении не был исключением. Лесная дача, расположенная на территории городского выгона, по сравнению с окружающими казенными горнозаводскими дачами (Нижне-Исетской, Березовской и др.), была небольшой, но, тем не менее, имела большое значение для системы обеспечения Екатеринбурга.

Во-первых, лес был основным материалом для строительства и ремонта городских зданий, мостов, тротуаров и других сооружений. Даже в 1910 году, несмотря на проведение ряда мер по развитию каменного строительства, 90,3% городских домов в Екатеринбурге оставались деревянными (1).

Во-вторых, с состоянием лесного хозяйства была непосредственно связана система отопления городских зданий, так как дрова в то время были основным, а часто и единственным видом топлива. В городской лесной даче производилась заготовка дров для отопления зданий, «лежащих на обязанности города» (городской тюрьмы, полиции, казарм, общественного городского дома, общественной богадельни, ночлежного дома и пр.). Кроме того, городская дача часто использовалась как «резервный фонд» для предотвращения роста цен на дрова. Стремясь «прийти на помощь обывателям», городская управа проводила заготовку и продажу дров жителям (2).

В-третьих, лес на территории городского выгона имел для Екатеринбурга большое эстетическое и экологическое значение. Это было связано с тем, что работы по искусственному озеленению городских улиц проводились очень медленно, в незначительных объемах. По словам гласного Екатеринбургской городской думы К.М. Брагина, если в городе и была «свежая струя воздуха, то лишь благодаря лесной даче» (3).

Быстрый рост населения города, интенсивное развитие промышленности, железнодорожное строительство, привели к тому, что за четыре пореформенных десятилетия объем потребления лесных материалов населением Екатеринбурга вырос более чем в 5 раз (4). Появилась угроза полного уничтожения леса в черте города в ходе массовой вырубki.

В ходе реформ 1860-1870-х гг. масштабы лесоистребления в Российской империи, особенно в частных лесах, достигли невиданных размеров. По замечанию Э.Г. Истоминой, проблема сохранения лесного фонда переросла ведомственные рамки и превратилась в общегосударственную (5).

Нужно отметить, что важность этого вопроса хорошо осознавалась и деятелями нового городского самоуправления Екатеринбурга: городская управа вела работу по нескольким направлениям.

Одной из самых сложных проблем, стоящих пред городской властью, была борьба с «хищническим истреблением леса» и «самовольными порубками», достигшими большого размаха. В марте 1874 г. Екатеринбургская городская дума постановила усилить охрану городской лесной дачи. Для уничтожения повода к «самовольным порубкам» в Екатеринбурге была запрещена выделка кирпича частными лицами (6).

Однако эти меры не смогли исправить положения. Количество случаев незаконной вырубki леса уменьшилось, но «порубки» все равно продолжались. В докладе Городской управы от 14 апреля 1877 г. сообщалось, что «незначительные городские сторожа» не в силах удерживать «организованные шайки лесокрадов» (7). За зиму 1878-79 гг. из городской дачи было самовольно вырублено и вывезено около 100 саж. дров (8).

Причина усиленных «порубок» заключалась в системе штрафов, разработанной Пермским губернским земством, которые по сравнению с дороговизной лесоматериалов были очень низкими. Члены Екатеринбургской городской управы считали, что единственной эффективной мерой по борьбе с хищническим истреблением леса могло служить тюремное заключение. Но эта мера применялась только при задержании за нарушение в третий раз, а такие случаи были очень редки. Применение карательных мер было не в компетенции городской управы, решения по этим делам принимались мировыми судьями (9).

Единственное, что удалось сделать силами городского самоуправления, — привлечь нарушителей к работам по благоустройству города. Так, в ноябре 1879 года мещане Ульянов и Клементьев были «отданы в работы» городской управе (10).

Другим важным направлением в решении вопроса о сохранении городской лесной дачи было внедрение рациональных систем заготовки леса и лесовосстановления.

Лесозаготовки осуществлялись городской управой (каждый раз на это требовалось особое разрешение городской думы) через систему рациональных, так называемых «выборочных и проходных» вырубок (11), способствующих быстрому восстановлению леса. В первую очередь вырубке подвергался сухостойный, горелый, буреломный лес; «проряжались молодняки»; выкорчевывались пни, вырубались «перестойные и кривые деревья» (12). Комиссия Екатеринбургской городской думы по эксплуатации городской лесной дачи и ее доходности, действовавшая в сентябре-ноябре 1900 года, признала проходные рубки мерой необходимой для роста леса и охранения от сплошных «напольных» пожаров (13).

Комиссия лесоводов, осмотрев городскую лесную дачу в 1917 г., одобрила действия городской управы и пришла к выводу, что поскольку дача небольшая — ее можно было разрабатывать только «французским способом» (редкие вырубki), но ни в коем случае не по лесосечной системе. Иначе дача могла превратиться в пустырь.

Принимались меры по охране «малой поросли». Так, постановлением городской думы в апреле 1889 г. был запрещен выпас скота на территории лесной дачи (14). Ежегодно, начиная с 1874 года, благодаря активной деятельности лесничего В.С. Тучемского, проводились искусственные лесонасаждения (15).

В 1880-1890-е гг. по мере возможности Екатеринбургская городская управа старалась проводить лесозаготовки в соседних горнозаводских дачах — Монетной, Нижне-Исетской, Березовской (16).

Еще чаще эту возможность городское самоуправление стало использовать в годы первой мировой войны, пытаясь одновременно решить проблемы «урегулирования цен на дрова» и «сохранения резервов запаса леса в городской даче» (17). В августе-сентябре 1815 г. городской голова А.Е. Обухов во время поездки в Петроград добился разрешения Министра торговли и промышленности об отпуске из Монетной и других казенных дач 20 тыс. куб. саж дров (18). В августе 1916 г. для покупки дров в казенных дачах городская управа возбудила ходатайство перед Пермским губернатором о выдаче ссуды до 500 тыс. руб. на заготовку дров в казенных дачах (19).

Особенно сложным было добиться сохранения городской лесной дачи в условиях «дровяного голода» 1917 года. На заседании Городской продовольственной управы и Комитета по заготовке дров в мае 1917 г. было принято решение начать усиленную вырубку в городской даче, так как «об эстетическом значении городского леса уже думать не приходится» (20).

Но большинство гласных Городской думы (К.М. Брагин, И.Н. Меленцов и др.) выступили против усиленных вырубок, так как эти меры, по их мнению, «совершенно бы оголили дачу». Решено было разрешить интенсивную вырубку только в восточной части дачи, уже предназначенной к застройке (21).

Таким образом, благодаря комплексу мер, предпринятых городским самоуправлением; активной работе городских лесничих в конце XIX – начале XX вв., лесной массив на территории городского выгона в Екатеринбурге удалось сохранить.

В последнее время в периодической печати нередко отмечается, что система лесного хозяйства в дореволюционной России была достаточно эффективной: при постоянном росте доходов от продажи древесины удавалось сохранять и пополнять лесные резервы. В годы советской власти к лесным богатствам относились уже не так бережно. В 1930-е гг., когда стране требовались средства на индустриализацию, началось внедрение «сплошных концентрированных рубок» (22), под топор шло практически все, в том числе заповедники и леса вокруг крупных городов (23).

В настоящее время экологи высказывают опасения, что в связи с быстрым развитием коттеджного строительства, леса вокруг крупных городов будут истреблены. Для Екатеринбурга проблема сохранения лесопарков в черте города стоит сейчас достаточно остро. Полемика вокруг принятия поправок к Лесному кодексу 1997 года, обсуждения в Государственной Думе предложений о введении частной собственности на лесные угодья, свидетельствуют о том, что обращение к опыту лесоохранения в дореволюционной России может представлять значительный интерес.

1. ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1988. Л. 349-350.
2. Протоколы Екатеринбургской городской думы за вторую половину 1873 г. Екатеринбург, 1875. С. 174-175; Город Екатеринбург (1889-1998). Екатеринбург, 1998. С. 130-131, 865; ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1984. Л. 14.
3. ГАСО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 620. Л. 400.
4. Там же. Л. 402 об.
5. Истомина Э.Г. Лесоохранительная политика России в XVIII – начале XX века // Отечественная история. 1995. № 4. С. 43.
6. Протоколы Екатеринбургской городской думы за март 1874. Екатеринбург 1874. С. 42-44, 46, 105.
7. Протоколы Екатеринбургской городской думы за первую половину 1877. Екатеринбург, 1877. С. 60-61.
8. Протоколы Екатеринбургской городской думы за первую половину 1879. Екатеринбург. 1880. С. 134.
9. Протоколы Екатеринбургской городской думы за вторую половину 1877. Указ изд. С. 69-70.
10. Протоколы Екатеринбургской городской думы за вторую половину 1879. Екатеринбург, 1880. С. 68-69.
11. ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1977. Л. 20 об.
12. ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1978. Л. 47 об.; Протоколы Екатеринбургской городской думы за вторую половину 1873 г. Указ изд. С. 174-175.
13. ГАСО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 620. Л. 58 об.
14. ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1978. Л. 47 об.; Там же. Ф. 62. Оп. 1. Д. 613. Л. 15-15 об.; Там же. Д. 620. Л. 42 об.
15. Протоколы Екатеринбургской городской думы за март 1874 г. Указ. изд. С. 61.
16. ГАСО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 526. Л. 214 об.; Там же. Д. 620. Л. 403.
17. ГАСО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 433. Л. 5 об., 8 об., 11 об.
18. ГАСО. Д. 526. Оп. 1. Л. 22-22 об.
19. ГАСО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 526. Л. 129.
20. ГАСО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 620. Л. 402 об.
21. ГАСО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 620. Л. 402 об.
22. Книзе А.А. «Рубили все, кто мог и хотел...». Из истории ведения российского лесного хозяйства // <http://www.drevesina.com/materials.htm/a6/b63/>
23. Горбачев А. Лесной кодекс. О лесных проблемах и частной собственности на лесные угодья // http://www.dm-realty.ru/doc/articles/id_1553/print.aspx